

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 20-го Января 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11209.

ЗВѢРЬ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ тихъ вечернихъ часовъ, которые особенно располагаютъ къ откровенной дружеской бесѣдѣ.

Я сидѣлъ въ кабинетѣ съ моимъ товарищемъ, докторомъ Пасуховымъ. Мысли этого человѣка меня всегда интересовали, хотя я соглашался съ нимъ довольно рѣдко.

Итакъ, сказалъ я, ты утверждаешь, что въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь? Это только парадоксъ. И ты, и я, мы часто встречали людей глубоко культурныхъ, съ благородной и ясной душой.

Докторъ улыбнулся:

— Не звѣрь, потому что звѣрь часто лучше нась, но собака, злая, хитрая собака. И секретъ здѣсь въ томъ, что многие этого совершенно не подозрѣваютъ. Многие такъ и умираютъ, не узнавъ своей собаки, но она сидитъ, она ждетъ своей минуты. Возьми любого человѣка, помѣстіи его въ известныя условія, и ты вдругъ услышишь, какимъ неожиданнымъ бѣшенымъ лаемъ зальется въ немъ эта собаченка!

Недѣли двѣ тому назадъ былъ у меня странный пациентъ. Человѣкъ вполнѣ культурный, вполнѣ сознательный, и, знаешь, въ чёмъ онъ мнѣ сознался? Потянуло его къ убийству.

Жиль онъ въ меблированныхъ комнатахъ, а рядомъ съ нимъ занималъ комнату какой то старикъ. Пациентъ мой говорилъ, что старикъ этотъ имѣлъ самый жалостный видъ. Худой, сморщеный, съ выцѣвѣвшими привѣтливыми глазами. Подумай, вѣдь, такого старика, дѣйствительно, можно только пожалѣть! Одинокая, беспомощная старость,—это всегда жалобно.

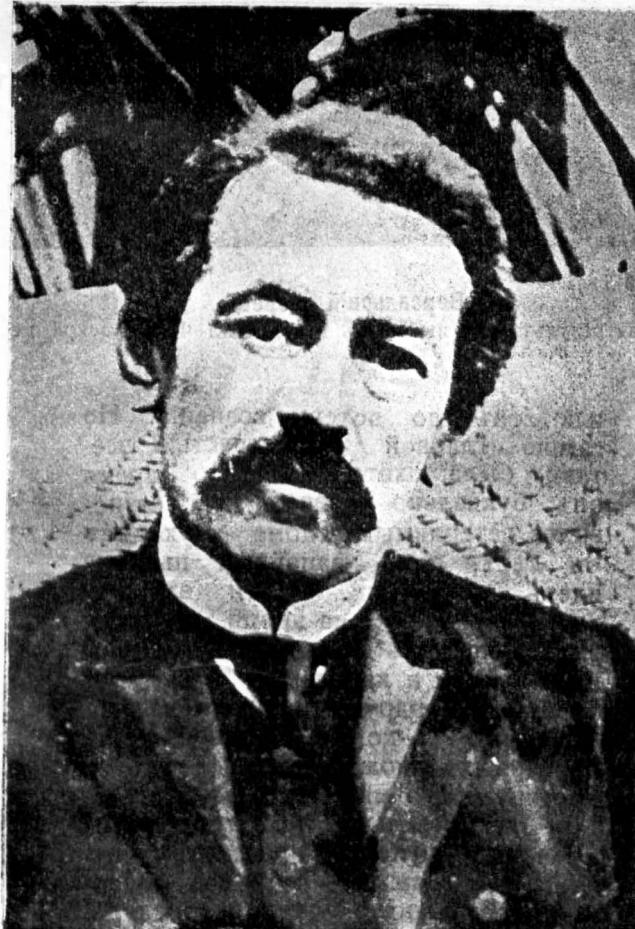
Но этотъ старикъ имѣлъ обыкновеніе вечерами, между одиннадцатью и часомъ, бродить у себя въ комнатѣ изъ угла въ уголъ. Что онъ думалъ въ эти часы, о чёмъ вспоминалъ или страдалъ,—неизвѣстно, но пациентъ мой въ теченіе двухъ часовъ слышалъ только глухое бормотаніе и методичное шлепанье туфель.

Сначала это только раздражало, а потомъ сдѣлалось невыносимымъ. Старикъ, доживающій свои дни въ грязной меблированной комнатѣ. И совсѣмъ одинъ. Съ нимъ только черная тѣнь на стѣнѣ, да вотъ эти шлепающія туфли. И все таки моимъ пациентомъ вдругъ овладѣло дикое непонятное чувство ненависти.

Онъ буквально сходилъ съ ума, онъ едва владѣлъ собой. Уже въ десять вечера онъ садился на диванъ въ своей комнатѣ и съ лихорадочнымъ волненіемъ ожидалъ, когда за стѣной зашлепаютъ туф-

Академикъ Раймондъ Пуанкарэ,
бывшій глава французскаго правительства,
нынѣ президентъ республики.

Аристидъ Брианъ,
новый глава французскаго правительства.

ли, и начнется старческое бормотаніе. И когда это начиналось, съ сжимающимъ руки и стискивающимъ зубы. Ему хотѣлось ворваться въсосѣднюю комнату и задушить этого старика. Его мысль мутилась. Въ вискахъ стучало. Это походило на какую-то страшную болѣзнь. Въ концѣ концовъ, у него едва хватило силы перевѣхать на другую квартиру. Онъ убилъ бы, если бы не сдѣлалъ этого.

Докторъ замолчалъ и задумчиво посмотрѣлъ на меня.

— Кандидатъ въ сумасшедшій домъ, сказалъ я.

— И мнѣ кажется, что тебя, психіатра, всего менѣе долженъ удивлять подобный случай.

Докторъ улыбнулся:

— Ты думаешь—онъ сумасшедший? О нѣтъ! Если мы будемъ такъ придирчиво судить, то нормальныхъ людей почти не останется. Это другое. Собака проснулась. Вѣдь, и самъ не знаешь, когда она можетъ залаять.

Онъ посмотрѣлъ на меня внимательно и добавилъ:

— А, скажи, пожалуйста, неужели у тебя въ жизни не было момента, когда тебѣ хотѣлось, понимаешь ли, безумно хотѣлось совершить что то дикое, несуразное, неожиданное, словомъ, вознаградительное?

— Нѣтъ.

— Удачно. А у меня было.

Докторъ задумался и продолжалъ:

— Ты знаешь меня еще съ гимназической скамьи. Ты знаешь, что я всегда былъ глубоко честенъ и гуманенъ. Помнишь ли ты случай, когда я кого-нибудь обидѣлъ или совершилъ какой-нибудь грязный поступокъ? Ты хорошо помнишь, какимъ я былъ въ университѣтѣ. Массу занимался, читалъ. Всѣ вы предсказывали мнѣ блестящую будущность. А главное, меня любили за мягкое сердце. Я былъ материально обеспеченъ и постоянно помогалъ товарищамъ.

— Ну, скажи, преувеличиваю ли я что-нибудь.

— Нисколько. Именно въ то время я впервые оцѣнилъ тебя и полюбилъ.

— Такъ, такъ!

Докторъ нервно разсмѣялся.

— А теперь послушай, что произошло со мной именно въ это время, со мной, честнымъ, добрымъ и умнымъ человѣкомъ.

По окончаніи экзамена съ третьего на четвертый курсъ я, какъ всегда, отправился въ свой провинциальный городокъ Т. И вотъ однажды вечеромъ я забрелъ къ моему товарищу Ветлицкому, тоже студенту, но только другого университета.

Take Ionescu,
румынский министр иностранных делъ.

Болгарский министр финансовъ
Ф. И. Тодоровъ.

Вѣтлицкій занималъ флиель во дворѣ. Его родители въ это время были у себя въ имѣніи, и главный домъ стоялъ пустымъ. Ключи находились у Андрея.

— Пойдемъ къ намъ внизъ, предложилъ онъ мнѣ. Тамъ есть піанино, я тебѣ поиграю.

Черезъ нѣсколько ми-

Версальский дворецъ.
Толпа, ожидающая результатовъ выборовъ президента Французской республики.

Генераль-адъютантъ В. Н. Даниловъ,
новый комендантъ петербургской Петро-
Павловской крѣпости.

нуть мы уже находились въ большой комнатѣ, гдѣ пахло старой мебелью и табакомъ. Андрей открылъ окна во дверь, и въ комнату тонкими полосками вливался сильный лунный свѣтъ.

Онъ не зажегъ лампы. Въ самомъ дѣлѣ, было какое то особенное очарованіе въ этой старой полутемной комнатѣ.

— Когда то здѣсь жилъ мой дѣдъ, сказалъ Вѣтлицкій. Это единственный человѣкъ, которому я такъ часто завидовалъ. Онъ былъ полякомъ и жилъ въ западномъ краѣ. Громадный, мощный человѣкъ, который всю свою жизнь посвятилъ пьянству, женщинѣ и охотѣ. О немъ складывались настоящія легенды. Большини стаканами онъ пилъ старое вино и не хмѣѣлъ, а выпивъ, гаркалъ, какъ звѣрь или заливался рѣзкимъ грехочущимъ хохогомъ.

Для женщинъ самое имя его было обаятельнымъ. По немъ съ ума сходили. У этого бродяги въ пятьдесятъ лѣтъ было больше любовныхъ исторій и авантюр, чѣмъ у насъ будешь за всю жизнь. Онъ десять разъ дрался на дуэли и сознавался самъ, что каждый разъ былъ

ся въ консерваторіи, но теперь я не слышалъ его. Что то непонятное и жуткое туманило мою мысль, смущало мое воображеніе.

Я вынулъ ножъ, и подъ свѣтомъ луны, у окна быстро и ярко сверкнуло холодное острове лезвіе. Я опять вздрогнулъ. Поворачивая клинокъ во все стороны

и любовался блескомъ стали. Это былъ какой то гипнозъ.

Передъ моими глазами проносились дикия картины. Все было черно. Слабый лунный свѣтъ, и я видѣлъ какъ по лѣсу идетъ громадный человѣкъ, взглядываясь въ темноту зоркими глазами. А въ его напряженной руки, съ засученнымъ рукавомъ, сверкаетъ вотъ этотъ самый ножъ. И вотъ навстрѣчу ему изъ лѣсной чащи несется раненый кабанъ. Я вижу большие сверкающіе глаза, вижу окровавленную запѣненную морду, съ двумя громадными клыками. Меня охватываетъ жуткое волненіе. Въ слѣдующую минуту звѣрь и человѣкъ почти сливаются вмѣстѣ. Ножъ вонзается въ горячее, судорожно напряженное тѣло, и кабанъ катится на землю съ прерывистымъ шумнымъ дыханіемъ, разбрзгивая кругомъ пѣну и проливая на землю теплую клокочущую кровь.

О, никогда еще мое воображеніе не работало такъ интенсивно!

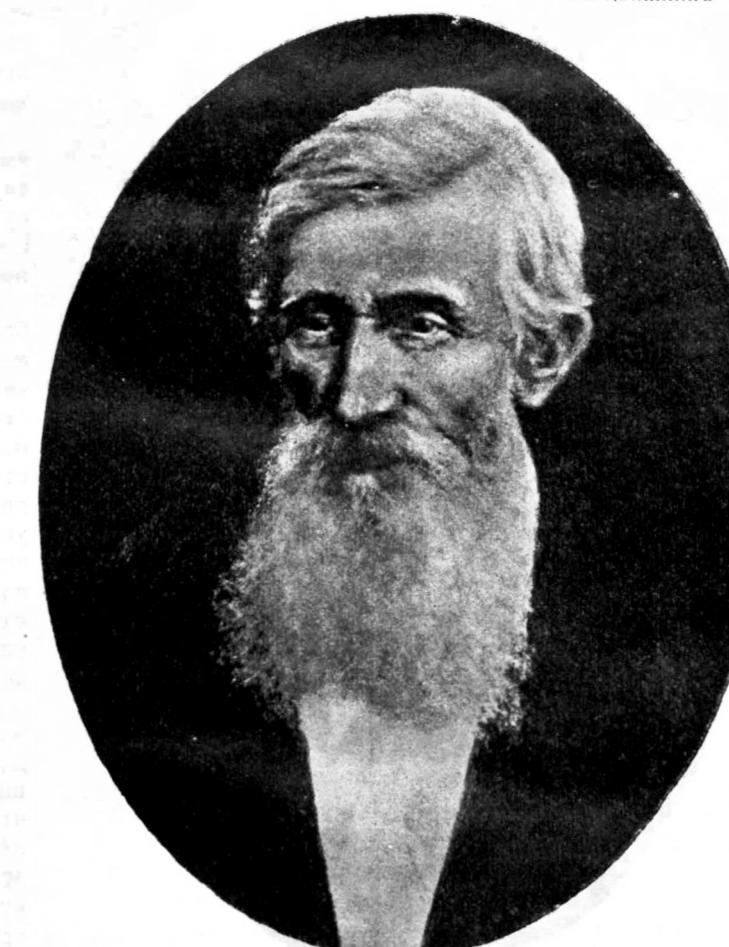
Я опять повернулся ножъ, и опять мене словно опалило сверкнувшее лезвіе.

Я обернулся къ Вѣтлицкому и задрожалъ съ головы до ногъ. Онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной и былъ въ растянутой косовороткѣ. Его высокая мускулистая шея ярко блѣдала въ лунномъ свѣтѣ, и теперь я уже не могъ оторвать отъ нее глазъ. Кроме этой шеи я ничего не видѣлъ, ничего не понималъ, а въ это время моя правая рука судорожно скжимала ножъ.

Я затрудняюсь определить то состояніе, въ которомъ тогда находился. Это были и злоба, и бѣшенство, отъ я не могъ бы указать никакой ичины. Но главное, главное,—страш-

Извѣстный филологъ-академикъ
И. И. Срезневскій.

(къ 100-лѣтію со дня рождения).

но сказать,—я жаждалъ крови, я былъ точно пьяный. Я самъ ходилъ отъ ужаса, и въ то же время уже погасли всѣ мысли, и было только одно это дикое жуткое желаніе.

Я сдѣлалъ шагъ впередъ. Вѣриѣ, я прыгнулъ, какъ прыгаютъ звѣри,

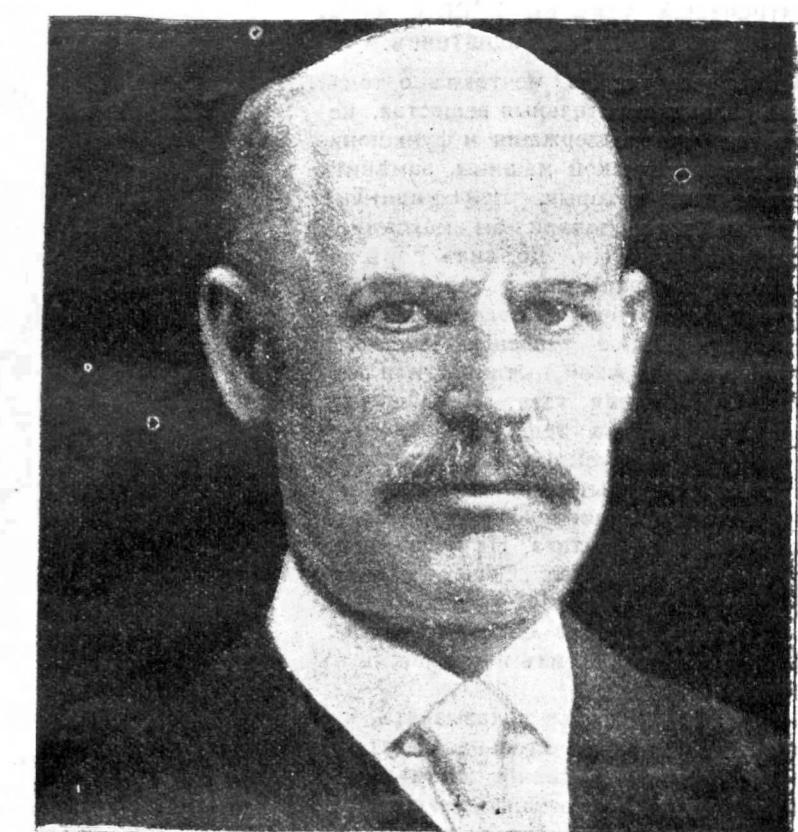

† А. А. Каспари,
издатель журналовъ «Родина» и «Всемирная
Новая». Погибъ въ бою.

Знаменитый артистъ
В. В. Самойловъ.

(Къ 100-лѣтію со дня рождения).

Знаменитый изобрѣтатель
Эдуардъ Ачесонъ,

сподвижникъ Эдисона, гостивший въ Петербургѣ.

къ своей жертвѣ. Я уже поднималъ ножъ, чтобы со всего размаха вонзить его въ шею моего друга..

Меня спасъ случай. Какъ разъ въ это время въ окнѣ показалась лохматая голова дворника, и раздался его густой громкій голосъ:

— Паныч, запирать калитку, или вы еще пойдете?

Меня точно оглушили ударомъ или облили ледяной водой.

Я вскрикнулъ. Ножъ упалъ на землю.

Вѣтлицкій оторвалъ руки отъ кла-
вишъ и повернулся ко мнѣ:

— Что съ тобой?

— Ничего. Нервы... Я испугался этого человека.

Къ счастью, оба ничего не замѣтили. Моя ужасная тайна осталась при мнѣ. Нѣсколько минутъ я сидѣлъ въ креслѣ, какъ мертвый, совершивъ какую-то долгую тяжелую работу. Потомъ поднялся и ушелъ.

Докторъ тихо разсмѣялся, пока-
чалъ головой и грустно сказалъ:

Правда, этого никто не могъ обо-
мѣ подумать? Ну, скажи, развѣ я похожъ хоть немного на убийцу? А,
вѣдь, тогда... Ты понимаешь, что
внутренне я уже былъ убийцей. Я,
я, докторъ Пастуховъ, о которомъ
тотъ же Вѣтлицкій, несомнѣнно, хра-
нить самыя лучшія воспоминанія...

Я ничего не отвѣтилъ. Я впервые
почувствовалъ, что въ словахъ док-
тора скрывается какая то страш-
ная и несомнѣнная истинка.

Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.

Электрический токъ въ 1.000 в. замѣняетъ фунтовой бифштексъ.

Давно уже ученые мечтаютъ о томъ, чтобы разныя питательныя вещества, необходимыя для поддержанія и функционированія человѣческой машины, замѣнить субстанціями, которыя, при минимумѣ объема и вѣса, давали бы максимумъ питательной энергіи. До сихъ поръ попытки эти оставались безуспѣшными или получали частичное и совершенно неудовлетворительное решеніе. Но нѣтъ предѣла человѣческой пытливости и терпѣнію. Французскія газеты сообщаютъ, что и эта проблема теперь решена при помощи феи, именуемой электричествомъ,

Честь этого открытия принадлежитъ ученому Бергонье, ординарному профессору бордоскаго университета. На послѣднемъ засѣданіи французскаго „Общества, учрежденного для развитія естественныхъ наукъ“, этотъ ученый сдѣлалъ интереснѣйший докладъ о своихъ изысканіяхъ въ упомянутой области.

Профессоръ Бергонье доказываетъ, что „діатермія“, эта замѣчательная наука о примѣненіи и использованіи перемѣнныхъ токовъ высокаго напряженія, можетъ замѣнить питаніе, доставляя организму то необходимое топливо, которое онъ вырабатываетъ перевариваніемъ всякихъ органическихъ веществъ. Эти магнічные токи, — говоритъ профессоръ Бергонье, — проходя черезъ тѣло человѣка, безъ малѣйшаго для него вреда или болѣзnenаго ощущенія, при напряженіи отъ 1,000 до 2 000 вольтъ, даютъ сграждизму въ одинъ только часъ около тысячи калорій (тепловыхъ единицъ), т. е. третью той ежедневной питательной энергіи, которая потребна для правильной жизни здороваго, сильнаго, взрослого человѣка.

Вотъ, говорятъ „Бирж. Вѣд.“, опытъ, продѣланный французскимъ ученымъ. Онъ взялъ субъекта, ростомъ въ 1 метръ 76 сантим., (2 арш. 7 верш.) и вѣсомъ въ 49 килограммовъ (около 3-хъ пудовъ). Не взирая на то, что субъектъ этотъ хорошо питался и поглощалъ много мяса, онъ слабъ и малодѣятеленъ, чувствителенъ къ холода и смертельно уставалъ, послѣ 100 саж. ходьбы. Его подвергли леченію діатерміей. Послѣ ряда электрическихъ сеансовъ, длившихся каждый 40 минутъ, при токѣ, доставлявшемъ въ часъ 1.700 калорій, пациентъ прибавилъ въ вѣсѣ 18 килограмм. (болѣе пуда). У него увеличился аппетитъ, онъ можетъ дѣлать продолжительныя прогулки и чувствуетъ себѣ прекрасно. На лицѣ его появился румянецъ, и онъ легко переносить холодъ.

Профессоръ Бергонье разчиталъ, приблизительно, что пропусканіе чрезъ тѣло электрическаго тока въ 1,000 вольтъ, вполнѣ замѣняетъ поглощеніе человѣкомъ кроваваго бифштекса въ 2 фунта+блудо жаренаго картофеля.

Ученый, заканчивая свой докладъ, высказалъ увѣренность, что при помощи діатерміи, будутъ излечиваться всякия разстройства пищеварительныхъ путей.

Харьковскій вице-губернаторъ

И. И. Стерлиговъ.

(По случаю назначенія его на постъ черниговскаго губернатора).

Баронъ

Романъ Юльевичъ Будбергъ,

набранный харьковскимъ городскимъ голландомъ.

Фот. А. М. Никаноровъ.

„Научныя“ убийства.

Довольно значительное число химиковъ, криминалистовъ и судебныхъ врачей обратились къ правительству штата Иллинойса съ ходатайствомъ предпринять какія либо мѣры противъ, такъ называемыхъ, „научныхъ убийствъ“.

Между прочимъ, они предлагаютъ учредить инситутъ, гдѣ люди науки могли бы готовиться для борьбы съ современной преступностью.

Во главѣ этого движенія стоятъ следователи суды чикагскаго суда, которые говорятъ, что современные убийства стали не только научными, но даже, пожалуй, „художественными“.

Факты доказываютъ, что среди американскихъ убийцъ въ настоящее время особенно распространенъ способъ убийства, называемый „убийствомъ кобры“. Этотъ способъ состоить въ томъ, что злоумышленникъ старается уколоть или оцарапать тѣло намѣченной имъ жертвы, вводя вмѣстѣ съ тѣмъ катлю яда кобры, отъ которого человѣкъ умираетъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Раскрытие подобнаго рода убийства, при которомъ примѣнены въ дѣло всѣ новѣйшія знанія о ядахъ и ихъ дѣйствіяхъ, представлять большое затрудненіе, и въ большинствѣ случаевъ преступленіе остается не раскрытымъ. Во всякомъ случаѣ, нынѣшнія изслѣдованія труповъ не могутъ достигнуть своей цѣли.

Другой способъ убийства, который раскрыть еще труднѣе, состоить въ томъ, что намѣченной жертвой, подъ предлогомъ леченія, даютъ облатку или пилию, содержащую въ себѣ бациллы какой-нибудь смертельной болѣзни.

Судья Ольсенъ удостовѣряетъ, что ему лично известенъ цѣлый рядъ случаевъ, когда были дѣлаемы попытки купить зародыши смертельныхъ болѣзней и вовсе не съ цѣлью какихъ-либо научныхъ экспериментовъ.

Попытки отравленія съ помощью бациллъ вовсе не такъ рѣдки, какъ, можетъ быть, думаетъ читатель. Очень часто случается, говорятъ „Б. В.“, что люди, умирающіе въ кругу своихъ родныхъ какъ будто отъ вполнѣ естественной смерти, на самомъ дѣлѣ, являются жертвами убийцъ, которымъ удалось привить имъ какую-нибудь смертельную болѣзнь, или отравить ядомъ, который впущенъ въ организмъ съ помощью укола булавкой, не оставившей послѣ себя никакихъ видимыхъ для невооруженного глаза спѣдовъ.

Раскрытие такого преступленія можетъ быть осуществлено только съ помощью примѣненія всѣхъ новѣйшихъ знаній науки. Но бѣда въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ, если нѣтъ болѣе или менѣе сильнаго подозрѣнія, смерть считается за естественную, и преступникъ или преступница остаются безнаказанными.

